

Память

10 лет назад, 31 мая 1989 года, в Кельне скончалась писательница, переводчица, просветительница, литературный критик, правозащитница Раиса Орлова-Копелева, но ни одна из московских газет так и не рискнула поместить сообщение о ее смерти. Насильственно разлученная с родиной, близкими и дорогими людьми, удостоенная властями сомнительной чести персонально быть лишеной советского гражданства, она нашла в себе силы оставаться самой собой и обрела в Германии и других странах мира слушателей и читателей.

Германия оказалась для Копелевых более приветливой, чем родина. 1981

«Куда же я уйду от русского глагола?..»

Век. Москва. — 1999 — 2 июня — с. 5

Валерия АБРОСИМОВА

«...Куда же я уйду от русского глагола, Так молодо и голо Воспевшего беду?..»

Достижения Давида Самойлова, еще не вошедшие в сборники, в середине 70-х годов повторяли многие из тех, перед кем неожиданно остро встал дилемма: арест или отъезд. В декабре 1974 года их записала в дневник и Орлова-Копелева и добавила: «...Это — мое. И моих дочерей...». Позднее она повторяла их и в письмах поэту, и в дневниковых записях в Германии, приютившей их с мужем, известным ученым-германистом, писателем, правозащитником Львом Копелевым (1912—1997).

Издавая в январе 1981 года позорный указ о лишении Копелевых советского гражданства, чиновники от литературы не знали, не ведали, что отлучить от русского глагола, от русской культуры тех, кто имел счастье дружить с А. Ахматовой, Л. и К. Чуковскими, А. Галичем и Д. Самойловым, А. Солженицыным и А. Сахаровым (список можно еще долго продолжать), в принципе невозможно.

Русско-американские литературные связи были частью профессиональных интересов Раисы Орловой. Выпускница легендарного ИФЛИ (Института философии, литературы,

истории), атмосферу которого нередко сравнивали с Царскосельским лицеем пушкинских времен, Раиса еще до войны пришла работать в ВООС (Всесоюзную организацию культурных связей с заграницей), и с тех пор главной целью ее жизни стало возведение мостов между отдельными людьми и культурами разных стран, разрушение преград, сокращение стен невежества, заскорузлости мышления, страха перед свободной мыслью.

В годы войны она познакомилась с Лианом Хеллман (1905—1984), американской писательницей, приехавшей в СССР по поручению своего правительства и потому получившей от советских властей разрешение посетить линию фронта, проходившую тогда через Варшаву. С этой поездки зимой 1944 года и родилась их дружба, о которой они обе тепло написали в своих мемуарах.

В архиве Р. Д. Орловой-Копелевой сохранилась ее переписка с Лианом Хеллман 1945—1982 годов. Письма, отобранные для настоящей публикации, отчасти позволяют представить себе подлинный масштаб личности тех, кто из-за бездумной и преступной политики властей долгие годы был обречен на изгнание.

Р. Д. Орлова — Л. Хеллман
Октябрь 1972 [Москва]

Лиан, родная [...]

Это письмо я посылаю с нашими друзьями [...] Гораздо приятнее делиться с друзьями хорошими ново-

стями, чем плохими, но я не знаю, когда у меня еще будет возможность написать тебе все, как есть.

Эти четыре года были тяжелыми. Вероятно, изменилось то, что мы устали, устали от постоянного ощущения абсолютной незащищенности. Начиная с денег, — как мы справимся в следующем месяце, — и кончая гораздо более серьезными делами. Не думаю (сегодня, а это единственная мера времени), что Лева угрожает арест. Но есть другая опасность — высылка (!) из страны. Уже есть несколько таких примеров. Конечно, трудно сравнивать; люди, которых выслали, хотели этого (в большей или меньшей степени). Для нас это было бы катастрофой, второй по значимости после смерти родных и близких. [...] Но если придется выбирать между тюрьмой и ссылкой, тогда не будет выбора: Лев не может еще раз пройти через это.

Все так непонятно — даже нам, но тем не менее у меня есть желание и потребность написать тебе о нас. Внешнее положение Льва даже несколько улучшилось, его имя появилось в печати три раза (три года оно было в черном списке). Но абсолютно никаких перспектив. За эти годы он написал две большие книги и еще две находятся в работе. Чтобы было, на что жить, за это время он сделал много переводов, напечатанных под чужим именем. Становится все труднее и труднее (и даже опаснее для других людей) получать такую работу.

Моя ситуация тоже изменилась к худшему. В эти годы я зарабатывала достаточно, чтобы жить скромно (нам троим, с мамой). Хотя я ничего не сделала, только подписала письмо шесть лет назад, но этого не забыли. И я должна либо «покаяться», чего я не могу сделать, либо частично оказаться в черном списке. Все это не только личные проблемы, а общая ситуация. К счастью, в этом нет никакой логики, но благодаря ее отсутствию, у меня есть кое-какая работа. Это вопрос будущего. Но ближайшее будущее. [...]

Получилось очень грустное письмо, не сердись на меня, ты знаешь, что я не склонна жаловаться. И это письмо воспринимай не как жалобу, а как попытку объяснить. И высказаться.

Все это абсолютно не значит, что мы никогда не бываем веселыми и счастливыми. Как я много раз тебе говорила, мы счастливы. Мы живем среди друзей — и мы действительно в этом смысле мультимиллионеры, — мы наслаждаемся поэзией, хорошей литературой, хорошим вином, интересными людьми и просто радуемся жизни, солнцу или весне. И мы стараемся (не без успеха) противостоять всему плохому. Но это становится все труднее и труднее. [...]

Все, что я сейчас написала, предназначено только тебе. Здесь нет никаких секретов, просто я не люблю себя в этом жанре.

Мы прекрасно понимаем, что ты не

можешь нам помочь; ты нам нужна, как близкий друг (вот почему так плохо, когда нет писем), нам действительно нужно твоё рукопожатие. Все это наши беды, наши дела — у вас есть свои. Я бы хотела больше о них знать. И, конечно, о тебе.

Люблю, как всегда. Лев хочет тебя видеть. И я тоже.

Твоя Раиса.

Л. Хеллман — Р. Д. Орловой
30 июня 1980

[Вайнгард Хейвен, Массачусетс]
Милая Раиса!

Очень обрадовалась, когда получила твоё письмо. Надеюсь, ты согласна с тем, что теперь я имею право настаивать, чтобы вы со Львом уехали. У меня был небольшой и гораздо менее мучительный опыт такого рода во времена Маккарти, хотя я, конечно, не оставляла своих детей и внуков. Но приходит время, когда надо поступиться чем-то ради чего-то другого, а я считаю, что Льва надо спасать.

Кроме того, ты должна сказать себе, что ты и Лев принесете пользу, куда бы вы ни поехали, потому что вы не будете вести себя, как обычно ведут себя русские беженцы, не будете обличать свою страну и не откажетесь от того, что вы думали раньше и во что верите и сейчас. Чтобы чего-нибудь добиться, большинство беженцев должны пресмыкаться перед теми, кто заставляет их высказываться. Ни ты, ни Лев не будете этого делать, ваше влияние будет благотворным, и этим вы окажете услугу своей стране. Надеюсь, что вы уедете и приедете сюда. Может быть, потому, что мне очень хочется вас видеть, и я смогу вам помочь. [...]

С большой любовью Лиан. **
Лиан Хеллман оказался права: ее московские друзья и в изгнании остались самими собой. Лев Копелев стал живой легендой и одним из самых известных людей в Германии. Его уникальный талант энциклопедиста и просветителя оказался наконец востребованным. За годы изгнания он создал свою школу славистов-единомышленников, которые уже без него продолжают работу над Вуппертальским проектом: многотомным исследованием русско-немецких культурных связей на протяжении веков.

Раиса Орлова-Копелева за восемь с половиной лет, что были ей отпущены, не только в совершенстве овладела немецким языком, но и выступала с лекциями о современной литературе, консультировала издателей и переводчиков, способствовала тому, что имена В. Гроссмана, Ф. Исхандера, В. Корнилова, В. Маканина, А. Приставкина, В. Распутина и других прочно вошли в сознание немецких читателей.

Напомнить о Копелевых — наш долг перед памятью этих светлых, красивых и мужественных людей.

*РГАЛИ, ф. 2548, оп. 1, ед. хр. 36. Л. 4—5. Машинописная копия с авторской правкой на английском языке. Перевод Р. Д. Орловой — из немецкой части ее архива.

**Из немецкого архива Р. Д. Орловой. Перевод В. Д. Медвинской.

Вольфганг ВАЙС

Орлова-Копелева
Раиса

26.99.